

**ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ КАК ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО:
СТРАХ И ВЕРА В СССР ***

Сегодня, наблюдая бурные процессы в жизни общества, которое совсем недавно называлось советским, наши зарубежные коллеги, соответственно называвшиеся советологами, приходят в недоумение: как могло случиться, что столь сильное централизованное государство распалось в мгновение ока, а люди, более 70 лет жившие в страхе, так неожиданно и резко преобразились. «Чем объяснить, что столько лет народ мог выдерживать гнет тоталитарного режима?» — спрашивают они. Это — прежде всего взгляд извне. Имеется также противоположный взгляд, взгляд изнутри, согласно которому вообще ничего не изменилось, а если и изменилось, то только в худшую сторону, да и то исключительно из-за бездарности и некомпетентности новой власти, вчерашних демократов, скинувших коммунистов и занявших их место. Слово «демократ» стало даже восприниматься как близкое к бранному.

Это две крайние точки зрения, отражающие очевидные изменения, происшедшие в нашем обществе. Но что именно и как изменилось — вопрос, требующий специального рассмотрения, какими бы очевидными ни казались с первого взгляда социальные перемены. Один из способов выявления изменений, происшедших в обществе, — изучение типичных для его структуры оппозиций до и после основной ритуальной драмы¹ или внезапного всплеска массовых народных движений, которым также присущи черты, сближающие их с ритуальной драмой, архаическим праздником².

Здесь нас интересует лишь одно бесспорное изменение в сознании и поведении людей, в чем не сомневаются придерживающиеся обеих крайних точек зрения. Это изменение — внезапное исчезновение чувства страха, которым была пронизана жизнь советского человека. Я не говорю о новой волне страха и тревоги, охватившей сегодня людей в связи с острым чувством социальной незащищенности. Об этом страхе перед настоящим и стремительно надвигающимся неопределенным будущим сегодня можно говорить безнаказанно, что и любят делать часто и многословно журналисты и публицисты. Я имею в виду страх, на котором, собственно, и держался советский строй, страх, о котором страшно было даже сказать вслух. Этот страх не всегда был осознан, он как бы витал в воздухе. И вот он внезапно исчез. А так как он всегда был связан с хорошо организованной и широко разветвленной системой, призванной поддерживать это чувство страха, — с органами государственной безопасности, — то возникает естественный вопрос: что же стало с этим институтом террора после того, как его главный символ, памятник Дзержинскому, был сокрушен в один из памятных августовских дней 1991 г., отметивших окончательное исчезновение страха. Этим вопросом задаются сегодня и избавившиеся от страха журналисты, и ставшие на путь покаяния бывшие сотрудники КГБ. Однако здесь нас интересует не этот вопрос, вернее, мы к нему вернемся, но в конце статьи, и интересовать он нас будет не в буквальном смысле, а в смысле скорее ритуально-мифологическом.

Следует отметить, что главная причина, почему зарубежные специалисты по Советскому Союзу оказались сегодня в замешательстве, по-моему, заключается в том, что они чересчур большое, если не сказать исключительное, внимание уделяли вопросам идеологического и политического порядка, подчас не замечая ту социальную структуру, на которую накладывалась идеологическая система то-

* Статья представляет собой несколько измененный вариант доклада, прочитанного на Второй конференции Европейской ассоциации социальных антропологов (EASA) в Праге в августе 1992 г. на секции по антропологии тайной полиции.

талитарного строя. Это особенно хорошо видно сегодня, когда нет уже необходимости апеллировать к оппозиции советский/антисоветский и разоблачать коммунистический режим.

Вернемся к вопросу: «Как это могло длиться столько времени?» — который задают сегодня западные специалисты. Ниже мы попытаемся рассмотреть советское общество с несколько неожиданной точки зрения, и хотя, что вполне очевидно, предлагаемый подход не может объяснить всех особенностей советской социальной системы, тем не менее мне кажется, что он может помочь понять некоторые из них, наиболее архаичные и устойчивые, которые ускользают при другом, пусть более фундаментальном подходе.

Я предлагаю посмотреть на советское общество как на типологически сопоставимое с первобытным. При этом я буду прежде всего опираться на армянское общество советского периода как частный случай советского, так как при всей схожести советского строя и коммунистической идеологии на всей территории бывшего Советского Союза в каждой республике у каждого народа они принимали свою специфическую форму несмотря на то, что сравнительно недавно советские идеологи, а вслед за ними советские этнографы объявили, что образовалась новая этническая общность — советский народ. Также и «праздник», взрыв национального сознания в разных республиках принимал самые различные формы³. Сравнения такого рода довольно плодотворны, так как в принципе дают возможность проводить достаточно надежные прогнозы в тех случаях, когда другие оценки оказываются малоэффективными.

Итак, каким мог бы увидеть армянское общество исследователь традиционных структур незадолго до бурных национальных и социальных процессов конца 80-х годов? Прежде всего ему бросилась бы в глаза явная иерархичность этого общества и некий институт инициационного перехода от неопределенного и аморфного состояния в состояние полноправного члена общества с более или менее гарантированной (хотя бы в идеале) социальной стабильностью. Чтобы совершить такой инициационный переход, необходимо было вступить в ряды Коммунистической партии. Действительно, членство в КПСС, за очень редким исключением, воспринималось как необходимая ступень к социальной зрелости. Особенно выпукло и однозначно это проявлялось в сельских районах. Так, лет 10 назад, во время одной из экспедиций, за патриархальным крестьянским столом мне пришлось с полной серьезностью присоединиться к тосту за то, чтобы сын хозяина успешно вступил в ряды партии — этот тост следовал в ряду традиционных тостов с пожеланиями ему здоровья, счастливой женитьбы и успехов. Никакого идеологического смысла в тост не вкладывалось — просто для достижения более высокой должности, на которую он претендовал, требовался этот всеми сидящими за столом признаваемый «традиционный» инициационный переход. Кстати, показательно, что один мой московский знакомый-диссидент, гостивший в другом районе Армении примерно в это же время, воспринял сходные застольные пожелания как приверженность армян коммунистической идее — яркий пример того, как буквальный текст может заслонить более важный социальный контекст. В последнем примере характерно, что позиция диссидента, максимально идеологизированного представителя общества⁴, в принципе совпадает с позицией излишне идеологизированного ученого-советолога.

По-видимому, исключительно инициационно-иерархическим отношением к партии отчасти объясняется тот факт, что после победы антикоммунистически ориентированных сил в Армении в 1990-х гг. в республике так и не образовалось серьезной коммунистической оппозиции. Это явление объясняли тем, что институт компартии использовался исключительно как некий гарант благополучия, как удобная кормушка; об этом говорил в одном из своих выступлений и президент Армении⁵.

Отношение к партии как социально-иерархической системе, накладывающейся на все иные структуры — государственные, хозяйственные, административные, культурные и т. п., и во многих случаях заменяющей эти структуры,

обусловило, например, частое в истории нашей страны совмещение в одном лице или фиктивное раздвоение двух постов: генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Верховного Совета СССР, и ту надрывность, с которой Горбачев, а с ним и вся страна, разрешали эту дилемму.

В сельских условиях Армении партийно-иерархическая структура, построенная, как уже говорилось, по инициационной модели, в своем отношении к иерархическому верху приобрела вид, напоминающий более позднюю историческую формацию — феодализм⁶. Первый секретарь райкома был в прямом и переносном смысле безграничным властелином своего маленького княжества и таким и воспринимался своими «вассалами». Именно поэтому демократическое движение в районах проходило далеко не так активно, как того хотелось бы новому городскому революционному руководству, а во время первых демократических выборов сельские жители естественным образом выдвигали кандидатуры недавних своих коммунистических «князей». В этом же плане становится понятным, почему в Карабахе национально-освободительное движение в 1988 г. было возглавлено первым секретарем обкома партии. Насколько прочно партийно-иерархическая структура сидела в сознании людей, хорошо иллюстрирует заявление одного сельского подростка лет 15 тому назад, который хотел похвастаться передо мной своими именитыми зарубежными родственниками. «У меня двое дядей, — сказал он, — один в Бейруте, другой в Лос-Анджелесе». «И чем же они там занимаются?» — поинтересовался я. «Один первый секретарь, другой — второй», — ответил он. «Секретарь чего?» — «Как чего? Ясно, чего — партии».

Регулярные партийные собрания, во время которых посвященные в максимально ритуализованной форме и с использованием особого языка справляли свой культ, внезапно преображаясь под символами веры своей религии и портретами-иконами основоположников — великих первопредков, — нетрудно сопоставить с ритуальными действиями в первобытном обществе. Причем подобно тому, как посвященные, даже зная, что на самом деле это не духи тотемных предков, а они сами разыгрывают священные церемонии, тем не менее верят в них, так и коммунисты, как бы скептически они ни относились к своим ритуализованным собраниям, в итоге оказывались вовлеченными в четко функционирующую систему и фактически начинали верить в то, что разыгрывали.

Если задаться целью обрисовать весь комплекс идеологии рассматриваемого общества — от теоретических построений классиков марксизма до повседневных слухов и суеверий, то перед нами встанет причудливая, по сути своей религиозная система, причем снова соответствующая первобытному родовому строю. Хотя к некоторым сторонам этого удивительного явления стали все чаще обращаться в последнее время — главным образом журналисты, эта проблема требует специального изучения. Здесь мы просто перечислим отдельные интересующие нас черты.

Уже давно высказывалась мысль о структурном родстве коммунистической доктрины и идеологии первобытного общества, только если первобытный человек помещал золотой век в начало времен, то классики марксизма переместили его в конец, в эпоху коммунизма⁷. Может быть, это исконная перевернутость и предопределила существенную «перевернутость» картины мира социалистического общества? Сравним хотя бы знаменитый ленинский образ кухарки, правящей государством, или логику недавнего анекдотического определения: «СССР — страна с непредсказуемым прошлым».

Кроме явных религиозных стереотипов типа мессианства (пролетариат в роли мессии) в коммунистической картине мира присутствуют также менее явные религиозные схемы, например отождествление понятий «никто» и «всё»: «кто был никем, тот станет всем» (ср. шуньяту — Великую пустоту буддизма и божественную всенаполненность пантеизма).

Стало расхожим мнение, что коммунистический режим начиная с 1917 г. планомерно разрушал религиозную систему в стране, а взамен не предложил

ничего, чем и пытаются объяснить общую бездуховность советского общества. Однако это не совсем так. Вместо старой религиозной системы была предложена новая, гораздо более архаичная, но она была скрыта в самой структуре новой власти, хотя последняя и объявляла себя воинственно атеистической. Причем уже слова, при помощи которых описывалась коммунистическая картина мира, выдают «родоплеменную» природу советского общества — ср. выражения типа «вождь народа», «отец народов», «культ личности». Текстологический анализ одного лишь объемистого сборника «Сталин в творчестве армянского народа», изданного в Ереване в 1939 г. на армянском языке, позволил психологу Л. Джрнзяну выявить среди 1988 определений-эпитетов Сталина, распределенных по 238 тематическим разделам, резко выделяющуюся группу трех наиболее часто встречающихся: «Великий» (151), «Отец» (119) и «Солнце» (116). Эти эпитеты вместе с другими, встречающимися с меньшей частотой, типа «Вождь» (69), «Могущественный»/«Сильный» (59), «Смелый»/«Мужественный»/«Бесстрашный» (35), вырисовывают архаический образ языческого обожествляемого предводителя. Вождь как Солнце часто сближается с богом-громовником — ср., например, у ашуга Ашхуйжа (Бойкого): «Ты — источник света, Солнце мысли — против мрака, / Сокрушитель черно-мрачных туч, сияющая радуга ты, / Сталин». Солнце как греет, так и обжигает. Отец как опекает, так и наказывает: «Ты всегда сбрасываешь в пропасть правых-«левых»⁸. Образ Бога-Солнца, упорно привязываемый к предводителю, хорошо соответствует солнечным качествам царя в архаичной ритуально-мифологической системе, реконструированной А. Хокартом⁹.

Суть общества вообще наиболее рельефно выявляется в образе его лидера¹⁰. Именно вождь, царь, Первый человек концентрирует в себе все то, что в обществе разпылено и не столь очевидно. Анализ фольклорных текстов-величаний советских вождей (в том числе и творений официальных поэтов-акынов) выявляет все новые оттенки в этом многогранном, но, несомненно, восходящем к первобытной эпохе образе. Например, А. Е. Петросян попытался недавно показать структурные соответствия между мифологической системой образов коммунистических лидеров и армянской традиционной мифоэпической системой: близнецы (Маркс — Энгельс, Ленин — Сталин), змеборческие (Ленин, Хрущев) и другие мотивы¹¹. В 70-х годах я записал любопытные слова шестилетней девочки, которая думала, что название всем вещам — деревьям, рекам и т. п. — придумал Ленин. Это напоминает архаичные представления о демиурге или «великом предке», дающем имена сотворенным им или встреченным на его пути вещам — впрочем, мысль девочки не так далека от истины, если учесть тот новый язык (новояз, по Оруэллу), который ввели в оборот большевики после революции.

Сегодняшняя антикоммунистическая волна родила новый корпус религиозно-мифологических представлений, на этот раз диаметрально противоположных, интерпретирующих образы вождей в inferнальном ключе, но и здесь весь круг представлений при всей своей универсальности типологически близок в целом к первобытной эпохе. Сюда относится и сатанинская метка — родимое пятно на лбу Горбачева — и многочисленные зловещие астрологические разоблачения поверженных вождей.

Главный символ системы — отец-основоположник, вечно живой мертвец в Мавзолее, расположенном в самом центре страны, логически завершает эту причудливую картину. Показательно, что откровенно религиозный культ бессмертного и вездесущего первопредка только в самое последнее время стал критически осмысляться в широких слоях населения, до этого воспринимавших этот глубоко архаичный способ обожествления первопредка как нечто само собой разумеющееся¹². Еще несколько лет тому назад люди писали прошения-жалобы по адресу: «Москва, Красная площадь, Мавзолей, Ленину» — как в высшую инстанцию. Причем примечательно, что такие прошения, как утверждают их авторы, непременно рассматривались.

Дьявольская природа живого мертвеца была недавно «подтверждена» загадочной историей с его болгарским собратом Димитровым, чей мумифицированный

труп после кремации, по слухам, полностью исчез, испарился, не оставив ни щепотки праха для задуманного захоронения.

Страсть к низвержению памятников вождей, охватившая всю страну, также нередко оказывается связанной с представлениями об их inferнальности¹³.

В Ереване, где памятник Ленину демонтировался согласно решению горсовета, при праздничном скоплении народа, но без характерных для подобных низвержений актов вандализма, само действие многими свидетелями было воспринято с амбивалентным чувством, которое традиционно описывается в психоаналитической литературе как чувство, испытываемое к отцу: страх — любовь — раскаяние, но в то же время радость избавления от тирана, который в данном случае воспринимался также как средоточие темных сил, мешавших нормальному развитию Армении. Интересно, что само действие демонтажа неожиданно завершилось тут же родившимся своеобразным ритуалом. Когда памятник был уложен на лафет у постамента, кое-кто из людей, стоявших неподалеку в сквере, стал бросать в поверженного вождя камешки. Когда же лафет двинулся через заполненную народом площадь, люди, видевшие эту акцию, пожелали следовать ей, но за отсутствием камешков стали бросать в медленно и торжественно удалявшийся памятник мелкую монету — естественный заменитель камешков на людной площади. Причем смена ритуального атрибута — «агрессивного» камня на приносящую достаток монету — сразу повлекла за собой смену настроения: если зачинатели ритуала начали свою акцию с явно агрессивными чувствами, то все остальные бросали свои монетки с чувством радостного подъема, как исполняются всегда обряды с метанием монет. Так поверженный вождь покинул площадь, носившую его имя, под звон монет и веселые возгласы, чем была снята амбивалентность чувств, которой сопровождался процесс демонтажа.

Итак, обобщая выявленную религиозно-мифологическую картину советского общества, можно констатировать, что во многих отношениях она сопоставима с системой воззрений первобытного общества.

Теперь нам предстоит сделать следующий логический шаг в наших типологических сопоставлениях. В первобытном обществе, со структурой которого мы сверяем наши наблюдения, имеется еще один непрменный институт, который считается характерным для эпохи перехода от родового к раннеклассовому обществу. Этот институт — тайные общества¹⁴, нередко терроризирующие население и фактически посредством страха поддерживающие существующую систему, несмотря на ее переходность. В советском обществе этому институту соответствует КГБ (и его предшественники). В начале статьи мы уже говорили, что наша тайная полиция интересует нас здесь как институт, как объект антропологического изучения. Мы не собираемся разоблачать, ужасаться или оправдывать ее, а хотим попытаться определить в общих чертах ее место в структуре советского «первобытного» общества. Сходным образом антрополог, изучающий тайный союз Дук-дук, не начинает с того, что клеймит его членов и борется за права репрессированных аборигенов, что, впрочем, не исключает для него возможности самому стать жертвой тайного общества, которое он изучает.

Система КГБ — для удобства мы будем пользоваться этой аббревиатурой, понимая под ней все исторические формы тайной полиции в СССР, — пронизывала все советское общество, не было ни одной области, где бы не чувствовалось ее тайного присутствия. «КГБ знает даже, какая наседка сколько яиц снесла», — аргументировал один из депутатов армянского парламента свое сомнение по поводу официальной версии о неосведомленности КГБ относительно обсуждавшейся политической акции. А расхожее выражение «у стен есть уши» уже перестало означать всего лишь оснащенность нашего окружения хитроумными подслушивающими устройствами, а приобрело и некий мистический оттенок — в известной степени благодаря вере в магию слов, претворяющую в жизнь все то, что получило словесное оформление. Эта всепроникающая особенность всезнающей и грозной силы в некотором роде сопоставима с меланезийско-полинезийской маной, с той существенной разницей, что эта сила разлита по миру более равно-

мерно. В последнее время мне приходилось слышать, что сталинская эпоха была, по сравнению с сегодняшним разгулом национализма, более справедливой и действительно интернациональной, поскольку репрессиям подвергались все, независимо от своей национальности¹⁵. И еще: в отличие от маны эта сила обладает слепой разящей способностью, вне зависимости от иерархического статуса жертвы. Более того, как известно, именно аппарат КГБ и правящая партийная элита были наиболее чувствительной средой, куда эта разрушительная сила была наиболее часто и продуктивно.

Снова повторяю, что мы здесь абстрагируемся от конкретных ситуаций и личностей, тем более, что, будучи пущена в ход, система становится самоорганизующейся и порождает тех, кто ей необходим.

Органы государственной безопасности отвечали за чистоту идеологии и охраняли общество от врагов — действительных и мнимых. Кстати, еще одно соответствие с первобытным прототипом: поиск и успешное выявление с последующей экзекуцией тайных вредителей-колдунов и врагов общины (народа). Кристально чистый чекист, рыцарь революции — образы, необходимые, чтобы разящая сила была поистине безличной, независимой от личности ее проводников. Сходным образом член тайного союза является слепым проводником воли сверхъестественного патрона.

Миф о честности КГБ, впрочем, имеет некоторую реалистическую основу. Институт, призванный быть рассадником страха, сам столь прочно держался на страхе, что избежал, как обычно считают, коррупции, охватившей чуть ли не все стороны жизни советского общества периода застоя (хотя и это в последнее время подвергается сомнению). КГБ, можно сказать, оставался последним заповедником советского общества даже в период, когда само это общество фактически уже перестало существовать. Примером живучести мифа о честности КГБ и в наши дни может служить назначение председателя КГБ Армении на должность руководителя налоговой инспекции — должность, требующую сегодня действительно кристальной честности.

Что же стало с институтом страха, когда система, державшаяся на страхе, рухнула? Здесь тоже, как и в случае с советской системой, имеются два противоположных мнения. Их хорошо иллюстрирует недавнее назначение другого шефа КГБ Армении — периода подъема национального движения, в то время явного его противника — на должность советника мэра Еревана — активиста движения. Одни (их большинство) приводят то назначение как доказательство того, что ничего не изменилось, что произошла, наконец-то, смычка между новой и старой властью. Другие не видят в этом назначении ничего дурного. Наоборот, считают они, это доказывает, что шеф КГБ становится лишь хорошо осведомленным патриотом после того, как система, в которую он был вовлечен, исчезла. А исчезла ли она? — вопрошают третьи. Этот вопрос особенно интересен в случае Армении, имеющей сегодня почти моноэтническое население. Перерождение института страха в институт национальной безопасности (что, хочется верить, имеет место сейчас) мало интересует тех, кто задается этим вопросом. Один из таких людей, человек среднего возраста, не избавившийся полностью от страха, считает, что КГБ просто затаился или действует тайно, причем под КГБ понимается исключительно система союзного масштаба, армянский КГБ вообще им не принимается во внимание. Это мнение наглядно показывает, что для наличия истинного института страха необходима некая проникающая наднациональная структура, управляемая из сакрального центра — Москвы.

Еще один вопрос, на котором имеет смысл кратко остановиться, это судьба людей, противостоявших системе, людей, не испытывавших страха в системе, основанной на страхе, — о диссидентах. Речь идет здесь не о героизме пионеров, бросивших вызов системе, мы вообще не касаемся моральных сторон проблемы. Будучи порождением системы, диссиденты после ее крушения, как правило (со своими исключениями, разумеется), оказались не при деле, как коммунисты, порожденные системой и верно служившие ей — в отличие от членов общества,

которые, как мы видели, становились коммунистами в процессе инициационного обряда перехода. Поэтому и диссиденты, и правоверные коммунисты оказались сегодня в рядах оппозиции. Или же, как, например, в случае со Звиадом Гамсахурдиа, бывший диссидент, придя к власти, стал строить новое общество по тоталитарной модели, против которой он до этого боролся.

Наконец, последний вопрос: что же станет с обществом, которое выказывало столь много структурных соответствий с первобытным, после того, как исчезли инициационные ранговые переходы и институт страха? Я не буду здесь заниматься популярными теперь зловещими или радужными прогнозами, укажу лишь на один признак — снова антропологического порядка. Посмотрим, какие структурные качества армянское, к примеру, общество приобрело сегодня, когда пришел конец советскому строю. Я снова отвлекаюсь от политических обстоятельств, хотя в данном регионе они грозят стать единственно существенными. Стирающими все из глубины общества возникающие реалии.

Итак, как только общество лишилось знакомых институтов, а его члены, главным образом интеллигенция, впали в панику по поводу хаотичности и неопределенности сегодняшнего положения, появились определенные структуры в недрах общества, которые были приняты весьма недоброжелательно, снова главным образом интеллигенцией. Символом этих структур стало множество торговых столиков, выросших по всему Еревану наподобие грибов и уже успевших породить целый класс фольклорных текстов. Собственно, аналогичная ситуация возникла всюду в бывшем СССР, однако в Армении она шла параллельно с другим явлением, связанным с войной в Карабахе и приграничных с Азербайджаном районах. Партизанская война, длящаяся уже несколько лет, породила фактически сословие воинов-фидаинов, которых многие противопоставляют «торгашам», не желающим воевать. Однако, по-видимому, мы имеем дело с ситуацией, когда общество, предоставленное самому себе, начинает организовываться в виде двух групп, осуществляющих две из трех универсальных дюмезильевых функций, — производителей-торговцев и воинов. Что касается третьей функции, осуществляемой священнослужителями (первой в классификации Дюмезиля), то она только начинает оформляться после чрезвычайно показательной борьбы за экологическую нишу, которую вели самозванные духовные лидеры в период пассивности официальной церкви в начале народного движения. Подобные сопоставления могут показаться с первого взгляда досужими упражнением, однако, углядев упомянутые универсальные закономерности, можно попытаться развить их, а не задушить в зародыше, например разработать налоговую политику, способствующую производству и ограничивающую торговлю, которая стала сегодня неестественно и чрезмерно доминировать, или попытаться примирить две проявившиеся функции, сделать их взаимодополняющими, а не антагонистическими, какими они грозят стать.

Итак, мы попытались показать, как под официально декларируемым продвинутым социальным строем проглядывает первобытное общество, прекрасно уживающееся с навязанным ему миропорядком. Теперь, расправившись с этим миропорядком, ему пытаются навязать другой, капиталистический, т. е. снова нечто из продвинутых стадий человеческой истории. Общество же упорно и мучительно, на ощупь движется своим путем, совершает кардинальный переход — от родового к раннеклассовому.

Примечания

¹ Росс Крумрин предложил различать по этой методике общества циклические (неизменяющиеся) и предрасположенные к изменениям — см.: *Ross Crumrine N. Ritual drama and culture change//Comparative Studies in Society and History. 1970. V. 12. № 4. P. 361—372.*

² См., например: *Абрамян Л. Народ на площади//Возрожденная Армения. 1989. № 8—12. С. 18—22.* Эта и другие работы автора основаны преимущественно на армянском материале. Ср. также: *Бородатова А. А., Абрамян Л. А. Август 1991: праздник, не успевший развернуться//Этнографическое*

